

Сайт телеканала «НТВ» от 04.04.2013

<http://www.ntv.ru/novosti/670037/>

На фестивале «Балтийский дом» в Петербурге покажут театральный хит, поставленный Иво ван Хове по ранним пьесам Чехова. 289

Настоящим шлягером называют спектакль, которым сегодня открывается XXIII фестиваль «Балтийский дом». Название постановки совпадает с девизом театрального форума «Русские!». За четыре дня на сцене смонтировали декорации, которые обычно в Амстердаме собирают несколько недель.

В Голландии театральный хит шел восемь месяцев практически каждый день. В Петербург пятью трейлерами доставили 40 тонн оборудования, чтобы поместить чеховских героев сразу двух пьес «Иванов» и «Платонов» на крышу нью-йоркского небоскреба.

Голландская театральная компания доставила не только сценическую выгородку, но сложное проекционное и световое оборудование. В сценографии использовано много реалистичных элементов. Режиссер Иво ван Хове сделал радикальное сценическое воплощение ранних пьес драматурга, раздев некоторых героев догола и превратив чеховский мир в настоящую семейную сагу.

На крыше сходятся два клана, две семьи, в каждой из которой зреет катастрофа. Здесь одиночество приводит к суициду, неразделенная любовь к предательству, ревность к убийству. Возможно, так Западу понятнее проявление загадочной русской души и характера.

Театр жесткий и мягкий: в Петербурге открывается «Балтийский дом»

4 октября в Петербурге стартует XXIII международный театральный фестиваль [«Балтийский дом»](#). Вот то, ради чего стоит купить билеты на «Сапсан»

В Москве современным европейским театром последние десять лет уже никого не удивишь — в столицу его исправно поставляют круглый год и во всех видах, от головоломного авангарда (фестивали [NET](#), [«Территория»](#), [«Сезон Станиславского»](#)) до благодушного мейнстрима ([Чеховский](#)). В Петербурге в этом смысле гораздо спокойнее — может быть, потому что оттуда до Европы ближе, и странно отделять себя (будто тыкать пальцем: «о, европейский театр!» — а мы тогда какой?). До последнего времени (см. планы [зимнего Додинского фестиваля](#)) это поле в Петербурге возделывал только «Балтдом», который за 20 с лишним лет вырос из регионального театрального смотра в фестиваль европейского уровня. Нынешняя афиша тому подтверждением.

1. Шесть часов обломков Чехова

Программу фестиваля объединили по тэгу «Русские!» — то есть, русская классика в иностранных постановках, русский человек на randevу. «Русские!» — это спектакль голландского режиссера Иво ван Хове, образец нового (того, что называют «постдраматическим») европейского театра. Взяв две пьесы Чехова — «Платонова» (малоизвестную, нелюбимую самим автором и перенасыщенную, как бульон, из которого выйдут позднее 4 великих пьесы) и «Иванова», — ван Хове переплетает сюжеты, знакомит между собой персонажей и выпускает их на сцену. Вместо надрывных историй о том, как «среда заела» хорошего человека в русской провинции 100 лет назад, получается ироничное повествование о наших современниках — диковатых людях, выживающих на окраине мегаполиса (читай — на обломках цивилизации). Интерпретация, быть может, спорная, но за шесть часов сценического времени точно излечивает зрителей от инерции восприятия классики.

Режиссер Иво ван Хове: «Нельзя не осознавать, в какую трагедию может вылиться политика, основанная на ЭМОЦИЯХ»

Jan Versweyveld Jan Versweyveld

Голландский режиссер Иво ван Хове впервые показывал свой спектакль в России два года назад — тогда он привозил в Москву «Детей Солнца». Завтра спектакль театра «Тонеельгруп Амстердам» «Русские!» — шестичасовое действие по пьесам Чехова — в постановке Иво ван Хове откроет XXIII международный театральный фестиваль «Балтийский дом» в Петербурге. В его рамках до 20 октября зрители смогут увидеть классику — «Обломов», «Братья Карамазовы», «На дне», «Евгений Онегин» — в трактовке известных режиссеров Алвиса Херманиса, Люка Персеваля, Оскара Коршуноваса, Римаса Туминаса. Корреспондент РБК daily АНАСТАСИЯ КИМ побеседовала с ИВО ВАН ХОВЕ.

— С чем вы связываете возросший интерес зарубежных режиссеров к русским текстам прошлого столетия?

— Мы живем в переходный период: большие идеи и идеологии XX века — коммунизм, нацизм и, по крайней мере, с момента экономического кризиса капитализм — остались позади. При этом других перспектив не появилось, если не считать старые, религиозные, которые, как мы знаем на примерах от крестовых походов до современного радикального ислама, часто деструктивны. Пьесы Чехова — как раз о людях такого переходного периода. Его персонажи потеряны на ничьей земле. Они знают, что их рай утрачен, и надеются на новую утопию, которую ищут, но пока не находят.

— Вы начинали с позднего Чехова, с «Трех сестер», теперь, спустя десять лет, поставили спектакль по его ранним произведениям, пьесам «Иванов» и «Платонов». Они больше отвечают сегодняшней ситуации?

— В «Русских!» я обрел принципиально иной голос. «Три сестры» все еще были гибридом: гибридом эстетического и глубинного или инстинктивного подхода к тексту.

РИА Новости от 04.10.2013

<http://ria.ru/culture/20131004/967662874.html>

Пьесы Чехова на голландском откроют фестиваль "Балтийский дом"

С.-ПЕТЕРБУРГ, 4 окт — РИА Новости, Илья Григорьев. Шестичасовой спектакль на голландском языке под названием "Русские!" откроет в пятницу XXIII Международный театральный фестиваль "Балтийский дом", который пройдет в Петербурге с 4 октября по 20 ноября, сообщили организаторы.

"Спектакль идет без малого шесть часов с двумя антрактами. Даже без знания голландского языка смотреть его интересно, потому что актеры необыкновенно собраны и наполнены энергией", — уверен представитель смотра.

По его словам, нидерландский режиссер Иво ван Хове поставил спектакль про общество, которое потеряло идеалы, но сохранило страсти. Причем создано действо Государственным муниципальным театром Амстердама по ранним пьесам Чехова — "Иванов" и "Безотцовщина".

Репетиция спектакля "Русские!" в рамках фестиваля "Балтийский дом"

По заглавию голландского спектакля получил девиз и весь фестиваль — "Русские!". Организаторы объясняют это тем, что многие спектакли смотра поставлены по русской и отечественной литературе и драматургии. Но главный акцент смотра по традиции будет сделан на постановки театров из прибалтийских стран.

ПТЖ от 05.10.2013

<http://ptj.spb.ru/blog/poezd-uxodit-vnebo/>

ПОЕЗД УХОДИТ В НЕБО

«Русские!». Текст Тома Лануа по мотивам пьес А. Чехова.

Тонеельгруп Амстердам (Нидерланды).

Режиссер Иво ван Хове, художник Ян Ферсвейфельд, видео — Таль Ярден.

У «Балтийского Дома» в этом году кричащий провокационный подзаголовок «Русские!», которому, как мне кажется, не хватает вопросительного знака в конце. Русские ли герои Чехова, Гончарова, Достоевского, Горького, говорящие со сцены на литовском, голландском, польском, финском языках? Или европейский мир их давно присвоил, заставил транслировать собственные болевые импульсы? Что это за пространство такое: между Германией и Китаем? Кто на нем живет, чем дышит, чего боится и чем пугает? Частично ответы на эти вопросы дает первый же 5-часовой спектакль программы, «Русские!» (с восклицательным знаком) непривычного пока в России голландца Иво ван Хове, к финалу которого зрительный зал пустеет вдвое. Ситуация уникальная: такого на фестивале не было, пожалуй, со скандального «Месяца в деревне» Жолдака. Но те, кто остались, были вознаграждены за свои ожидания. Иво ван Хове долго «запрягает», но позже вознаграждает терпеливых за ожидание.

Ван Хове засэмплировал «Платонова» («Без названия») с «Ивановым». Поначалу, как мы помним по юношеской пьесе Чехова, к Анне Петровне съезжаются гости. И только когда на сцене появляется Зюсюшка и приглашает всех к столу, мы понимаем, что все эти Войницева, Трилецкие, Глагольевы, Венгеровичи собралась у Лебедевых. Позже к ним «подтягиваются» новоприбывшие Шабельские, Боркины, Львовы и т. д. и т. п.

Крис Нетвелът (Анна Петровна), Федя ван Хьют (Платонов), Якоб Дервиг (Иванов).
Фото — архив театра Тонеельгруп Амстердам.

Действие разворачивается в каком-то странном постиндустриальном пейзаже: гигантские кубы, щедро разрисованные граффити, грязные плазменные панели, непонятные металлические ограждения. Не сразу понимаешь, что это крыша высотного здания. Время от времени раздаются свистки и грохот проносащихся, видимо, где-то внизу, поездов. Позже, во втором акте, на крыше стемнеет, зажгутся неоновые огни рекламы, оживут плазменные панели, что сообщит картинке магию городских джунглей. А куда-то

Известия от 06.10.2013

<http://izvestia.ru/news/558313>

«Балтийский дом» открылся голландской адаптацией Чехова

На смену «трех сестрам» заступили «двое братьев»

фото предоставлено пресс-службой театра «Тонеельгруп Амстердам»

Название спектакля «Русские!», открывшего фестиваль «Балтийский дом», придумано, конечно, не без улыбки. Режиссер — мэтр голландского театра Иво ван Хове, словно просигналил, пригласил в путешествие к загадочной русской душе, но «зеркало сцены» направил на зрителя голландского. Или вообще — европейского, благо что театр «Тонеельгруп Амстердам» — желанный гость на любом зарубежном фестивале.

В спектакле, объединившем чеховские пьесы «Платонов» и «Иванов», если и появляется отсылка к российской действительности (бутылка водки, например), то лишь как ироничный знак — без претензий на анализ наших национальных проблем и желания сделать «а-ля рюс».

Спектакль долгий, дольше пяти часов. В первом действии обильные речевые потоки без каких-либо сюжетных поворотов создают ощущение томительного литературного театра. Скрестив две ранние пьесы Чехова, режиссер заставил персонажей долго знакомиться и выяснять исходные обстоятельства, а зрителей — напрягать зрение (субтитры!), разбираясь, кто кому здесь дядюшка.

Открылся фестиваль «Балтийский дом»

Актеры Федя ван Хьют (Миша Платонов) и Якоб Дервиг (Николаша Иванов) (слева направо) в сцене из спектакля «Русские!»

Фото: Театр "Тонеельгруп Амстердам"/Фото ИТАР-ТАСС

В пятницу в Петербурге стартовал один из главных европейских театральных фестивалей — «Балтийский дом». Программа форума, проходящего в этом году под девизом «Русские!», оказалась неожиданно скорректирована. Рассказывает ЕЛЕНА ГЕРУСОВА.

«Балтийский дом» всегда стремился открывать петербургской публике новые, яркие европейские театральные имена. На этот раз по этой линии должен был пойти режиссер Корнель Мундруцо со спектаклем «Бесчестье», поставленным по роману нобелевского лауреата Джона Кутзее в венгерском театре «Протон». Организаторы фестиваля в случае этого показа даже предполагали скандал. «Бесчестье» могло стать тестом на театральный консерватизм, толерантность, а то и готовность принять откровенность жесткого высказывания. Однако накануне открытия «Балтийского дома» стало известно, что «Протон» из-за болезни актрисы в Петербург не приедет.

Кое-что вместо запланированной художественной стычки все же на открытии случилось. Но все же акция голландской Тонеельгруп после сложнейшего пятичасового спектакля «Русские!», в котором уже хорошо знакомый петербургской публике режиссер Иво ван Хове объединил чеховские пьесы «Иванов» и «Платонов», большого скандала не сделала. Скорее всего потому, что на открытии в своем пост-обращении очень точные по своему театральному языку голландцы в социальной публицистике вроде бы ошиблись с аудиторией, ну, не учли особенностей русской театральной публики. Публики, в общем-то толерантной, но все же не наделенной ярким общественным темпераментом. Выслушав письмо голландцев к российской власти в защиту геев и журналистов и потом еще пару истерических выкриков реакции с мест, публика, по свидетельству многих очевидцев,

в первом ряду

Атрофия желаний жить

Катерина Павлюченко,
театровед

Двадцать третий фестиваль «Балтийский дом» начался со спектакля, давшего подзаголовок всему фестивалю. Голландец Иво ван Хове привёз постановку «Русские!», созданную в театре «Тонеельгруп Амстердам». «Русские!», которых голландец скомпилировал из двух чеховских пьес «Платонов» и «Иванов» — о том, что где бы ни разворачивалось действие — в дворянской усадьбе XIX века или на крыше современного небоскрёба, — люди остаются людьми. Они так же любят и так же ненавидят друг друга. Всю жизнь посвящают поиску смысла жизни и, разумеется, так и умирают, его не найдя.

Этот спектакль в очередной раз подтверждает негласное правило: смотреть постановку надо до самой последней минуты. Первый акт пятчасового спектакля Иво ван Хове — это потоки слов, что всё меньше и меньше свойственно лаконичному на «говорение» европейскому театру. Зрители вынуждены долго-долго знакомиться с персонажами, разбираться в степени их родства и знакомства, считывать намеки на предыдущие отношения и так далее и

так далее. Ничто не предвещает закрученной интриги.

Войнищевы, Венгеровичи, Боркины, Шабельские и прочие встречаются на крыше какой-то дискотеки (поднимаются продышаться?). Крыша ничем не примечательная, как миллионы крыш по всему миру: серые металлические конструкции, граффити по стенам... Есть несколько плазменных панелей (для титров и световых спецэффектов). А еще откуда-то издалека (видимо, этаж очень высок) доносятся звуки мегаполиса: шум машин, человеческих голосов, поездов, которые лихо и бескомпромиссно мчатся по сюжетным линиям, сочиненным Чеховым и ван Хове. Линии то разбегаются, то сходятся, обнаруживая любопытные пересечения. Голландец как заправский филолог отлично играет с исходниками: персонажи одной пьесы начинают взаимодействовать с «соседями»: к примеру, Сара из пьесы «Иванов» оказывается дочкой Абрама Абрамовича Венгеровича из «Платонова»... Или вдруг сталкиваются Сара и Саша — две женщины, которым есть что сказать друг другу... Их обоих обманывает мужчина...

Сначала непонятно, отчего на сцене два главных героя: Платонов (Федя ван Хьют) и Иванов (Якоб Дервиг). Второй акт разыгрывается в новых декорациях: свет гаснет и проступает неоновая реклама, огни, брызги света из окон. Кажется, мы переместились на Таймс-сквер в Нью-Йорке. В каменных джунглях бродят все эти бесконечные чеховские обычные люди, которые не могут найти себе применения и уже в 30 лет подводят итоги... Платонов и Иванов сосуше-

ствуют в одном пространстве для того, чтобы усилить ощущение хаоса. Много людей, а ничего не происходит. Нет любви, а главное, нет сил любить. Один объясняется с Софьей, второй поцелует Сашу, а дальше — тишина. На поступок эти мужчины не способны. Потому один предлагает второму сбежать вместе в тот момент, когда катастрофа Иванова (свадьба) неизбежна. Звучит смешно, особенно в свете отечественной борьбы против пропаганды гомосексуализма. Смешно, но правдиво. Ни одна женщина не способна понять мужчину так, как может его понять другой мужчина. Но Иванов настолько душевно немошен, что даже на побег не готов: мол, от себя не убежишь.

Женщины в этом спектакле, как и у Чехова, как и в реальной жизни, куда более жизнеспособны и жизнелюбивы. В финале ван Хове от души хохочет над немощными мужичками, призывая всех персонажей, которые принимали участие в спектакле, выйти и посмотреть на кровавую расправу, которую учинят над Платоновым и Ивановым деятельные Софья и Саша. Они настолько одинаковы, что Софья никак не может решить, в кого из двоих ей стрелять. И когда всё-таки она остановится на Платонове и спустит курок, сдастся и Иванов. В сторонке, пока никто не видит, он пустит в себя пулю — оставаться одному ему никак. Продолжать жить нет ни сил, ни желания. Отчаянно, очень по-русски, однако эта атрофия всех чувств одинаково понятна как нам, так и голландцам и всем остальным жителям старушки Европы.

НЕЗАВИСИМАЯ

От 07.10.2013

http://www.ng.ru/culture/2013-10-07/10_amsterdam.html

"Русские" из Амстердама

Знаменитый нидерландский режиссер Иво ван Хове пять часов разбирается с нашими "лишними людьми"

Их Боркин стреляет в их Иванова. Сцена из спектакля «Русские!». Фото РИА Новости

Спектаклем «Русские!» в постановке именитого нидерландского режиссера Иво ванн Хове в Петербурге открылся XXIII Международный фестиваль «Балтийский дом». К слову сказать, организаторы так назвали весь фестиваль, поскольку репертуар в основе своей состоит из русской классики – Пушкина, Гоголя, Чехова, Достоевского, Горького. Спектакль театра из Амстердама «Тонельгруп» – пятчасовое эпическое полотно по мотивам пьес Чехова «Платонов» и «Иванов». Сценическую версию по тексту Тома Лану, представляющего причудливый коллаж, создал Питер ван Край. Действие перенесено в наши дни из русских усадеб в огромный безликий индустриальный город, «каменные джунгли», город-спрут. Кажется, что его щупальцы сжимают персонажей. Сценография Яна Ферсвейфелда сложна в техническом и художественном отношении. Большое место занимает видео, создающее зазеркалье, куда помимо своей воли попадают герои. Пространство как бы перечеркнуто огромными светящимися рекламными щитами с лицами со стандартными улыбками. Люди среди этих громадных щитов, лестниц, дверей, неизвестно куда ведущих, кажутся маленькими и беззащитными. Платонов и Иванов – лишние люди нашей эпохи, не нуждающейся в личности. Оба это понимают и смиряются.

Уж какие есть

Ольга ШЕРВУД

XXIII международный театральный фестиваль «Балтийский дом» начался двумя горчайшими дозами. Это лекарство.

Как вы уже знаете, девиз нынешнего фестиваля — «Русские!». Он взят из названия спектакля признанного в мире режиссера Иво ван Хове и театра Toneelgroep Amsterdam (премьеры была в 2011-м). В основе — сочинение, в котором сплетены мотивы Чехова, прежде и крупнее всего — пьесы «Платонов» и «Иванов».

Действие перенесено в наши дни. Спектакль, как все правильное в искусстве, имеет разные уровни: для самого простого интеллигентного зрителя, посещающего театр время от времени; для человека насмотренного, с удовольствием вспоминающего разные версии классических пьес и понимающего, откуда какой герой явился; театроведческий — тут понятны корни, напитавшие Иво ван Хове.

В этой газетной «по случаю» заметке я выбираю «гражданский» угол зрения. И сразу скажу: спектакль для российского обывателя просто шоковый, особенно в наше замороченное донельзья время; к счастью, в фестивальной зале не критичных простаков раз-два и обчелся.

Огромное, в пять с половиной часов, действие происходит на крыше и в каких-то общедомовых пространствах заурядного многоэтажного здания в центре большого города. Во втором отделении загораются рекламные вывески — и русских букв нет; может, это эмигрантский квартал одной из мировых столиц? Но списать последующее на отраву чужбины не дает Чехов, да и мы знаем: русские всюду русские. Кстати, подозрение в «прописке» усугубляется сильной еврейской темой — настолько, что название можно было бы соответственно дополнить.

Сначала персонажи на сцене «как таковые», в третьем действии — в основном на видеозэкранах: включились камеры слежения, потому что наблюдать эту весьма отвратительную мешанину непотребных человек становится невозможно — начинает тошнить.

Почти два десятка героев (в них сначала непросто разобраться, ведь еще приходится читать перевод огромного текста), собравшись на родственно-дружескую вечеринку, болтают и ноют, издеваются и пьют. Выясняют отношения. Преимущественно пошлые, подлые и корыстные. Идеалы? Благородство, пусть увядшее? Не смешите меня. Даже отчаяние их нетрагично, ибо недостойно.

Не поймешь, где они врут, где шутят, где ошибаются.

Характеризовать персонажей дано доктору Львову (он один кажется приличным): «Все здесь дураки и неудачники, ни одного нормального человека». А про Осипа, «человекоубийцу и конокрада», звучит: «Вот он истинно русский. Остальные — декаденты». И еще: «Когда здесь люди повзрослеют и возьмут на себя ответственность?». Правда, это все больше касается мужчин. Женщины (и дуры, и стервы, и чистые, и отчаянные) готовы и проявляют какую-то фантазмагорическую жертвенную любовь к этим уродам.

Меж тем артисты «ну совсем ничего не играют»: стоят и разговаривают, нередко затылком к залу, в лучшем случае фронтально (мы же не думаем, как выглядим перед глазками всасывающих все подряд видеокамер). Никакого привычного контрапункта между текстом и телом не наблюдается. Никаких «эффектов» от режиссера. Смотреть не на что; скоро делается не только противно от копошения этих людей, но скучно, часть зрителей отпала в антракте.

А зря. Людишки мелкие, но их страсти постепенно вырастают (поскольку очень медленно, но неуклонно растет и собственно «театр» в этой постановке), как тени вечером, до гигантской величины. Поразительно, как параллельно этому процессу идет обратный: серьезность и скука сменяются не болью, а стыдом, а затем — вырывающим горчайшим абсурдом. В финале, когда падают запертво, фактически синхронно, убитый Платонов («Я подлец, но надо оставаться собой») и застрелившийся Иванов («Кто мы такие, как не дохлые утописты?»), ты испытываешь облегчение и уже смеешься.

Это не Чехов? Это не русские? Бросьте! Это мы и есть, тем более что кто-то из героев в самом начале напоминает: «В нашей культуре гипербола и провокация — обычное дело». Утешимся, если сможем, перед этим зеркалом: фильмы, например, Вуди Аллена о том же, только его герои нам не отвратительны, поскольку они чужие.

Потрясающе рифмуется с «Русскими!» спектакль Алвиса Херманиса «Обломов», оказавшийся на фестивале следующим впечатлением. А ведь все наоборот: никакой игры со временем, в центре сцены и жизни

— хрестоматийный диван, герои и антураж — словно ожившая живопись... Точнее, иллюстрации в старой книге. Поскольку цветные, то даже, быть может, и детской. Поскольку явно сатирического, карикатурного даже толка, то для взрослых однозначно.

Да, тут гипербола и гротеск — и кто бы мог так подумать о Гончарове! — заявлены с самого начала. Достаточно сказать, что первое действие есть воплощенная метафора не только «сонного царства», но — «спит на ходу». Повторяемый гэг, как и другие, работает безукоризненно, актеры поистине виртуозны в каждую секунду. А гротеск перерождается в злость, чтобы смениться грустью, которую принято называть примиряющей, а хочется — беспомощной.

И никакой сказочной умильности. Русский барин дан в объеме: пасующий перед обстоятельностью, помывающий слугой, ленивый до крайности, сибарит в своей пыли-грязи и гедонист, довольствующийся сном, он в своем эгоизме чуток и тонок.

В какой-то момент думаешь, что этот конкретный русский просто испуган сложностью жизни и ведет себя, как улитка, хотя... Они же все в этой постановке сонные! Да, «круглая и глупая» Ольга вроде энергична, в ней есть зачатки той же самой жертвенной любви, однако больше — еще пока живой инстинкт женского естества. Но даже полунемец-полурусский Штольц в финале ложится на тот опустевший, коротковатый ему, диванчик — то ли пытается понять жизнь ушедшего друга, то ли примеривается, то ли, как я услышала потом в гардеробе мнение зрителя, сам устал?

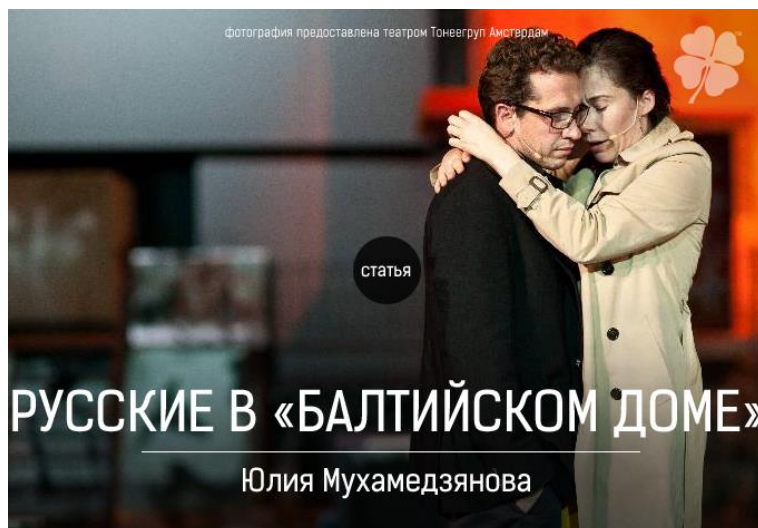
В отличие от Иво ван Хове, который фиксирует состояние, Херманис выводит полную импотенцию своего героя из «истинно русского» уклада и традиции. Волшебным образом в один момент Захар (слуга как воспитатель) и Алексеев (приживал как «необходимое никто») делаются из людей олицетворением страхов и заторможенности Ильи Ильича. Но главное — хрестоматийный «Сон Обломова»: выходит мальчик и читает по книге описание по-русски, что дает грандиозный эффект ностальгии, такой двойственный в случае режиссера-прибалта, такой цемпящий...

Дальше указания на прошлое Херманис пойти не может. А кто, скажите, может? Что ответите вы этому женоподобному, толстополому, в несурьезных кудряшках барину, который сам довел себя до удара и ранней смерти, на его вопль: «Отчего я такой? Отчего я такой, какой я есть?».

«Умная Россия» от 08.10.2013

<http://cleverrussia.com/russkie-v-baltijskom-dome/>

Русские в “Балтийском доме”

4-го октября в Петербурге состоялось открытие XXIII международного театрального фестиваля «Балтийский дом», в рамках которого жители и гости города смогут познакомиться с постановками таких известных режиссеров, как, например, Алвис Херманис, Люк Персевал, Оскар Коршуновас, Римас Туминас. Кричащие название фестиваля «Русские!» не подразумевает под собой никаких двойных смыслов, а стремится показать огромный вклад, который богатая русская культура и литература внесли в развитие мирового театра. Поэтому большая часть представлений на данном фестивале посвящена именно русской классике: «Обломов», «Братья Карамазовы», «Евгений Онегин» и другие.

Открытием фестиваля стал спектакль «Русские!» режиссера Иво ван Хове, возглавляющего театр «Тонеельгрупп» в Амстердаме. С момента его последнего визита в Россию прошло 2 года, первый раз он привез в Москву свою постановку «Дети солнца» по произведению М. Горького.

В спектакле объединены два произведения А.П. Чехова: «Иванов» и «Платонов», а герои спектакля предстают перед зрителями в пространстве современно мегаполиса, а точнее крыш его небоскребов с многочисленными неоновыми вывесками. Нескончаемое, без малого шестичасовое действие, располагаемое словно между небом и землей, заставило зрителей погрузиться в “мир современного Чехова”, в котором Иванов и Платонов, два потерянных интеллектуала, ищут свое место в любви, ломая при это жизни близким им людям; они настолько увлечены собой, что не задумываются о последствиях своих действий; общество, которое влечет лишь выпивка, танцы, веселье, стремление забыться и уйти от своих проблем. Его безысходность и ограниченность рано или поздно изменяют всех, кому не посчастливилось попасть туда. И ведь это не крестьянское общество XIX века, а современные городские жители.

Вовлекаемые в водоворот страстей Миша и Николаша хотят сбежать из этого общества, но ни один не решается на активное или решительное действие. Развязка – смерть героев от одного ружья – кажется, на первый взгляд, такой случайной и слишком быстрой, но в то же время это вполне логичное завершение судьбы обоих персонажей произведения. Ведь это был их единственный способ на столь желаемое избавление, пускай даже он вышел сумбурно и, в случае с Мишей, по неосторожности.

«Театрал» от 09.10.2013

<http://www.teatral-online.ru/news/10258/>

Иванов, который живет на крыше

Фестиваль «Балтийский дом» открылся спектаклем «Русские!»

Андрей ПРОНИН

Спектакль «Русские!» был поставлен два с половиной года назад бельгийцем Иво ван Хове в голландском театре Toneelgroep Amsterdam, который этот режиссер давно и успешно возглавляет. Гастролеры привезли нам Чехова — и это тот самый случай, когда Туле полезно присмотреться к своему самовару.

«Нет, я не уйду: мне интересно, как они оправдают крышу» — сказал в первом антракте один мой знакомый театральный деятель: в то время как многие другие деятели валом валяли на выход. Спектакль ван Хове действительно длинен (пять часов с гаком) и кому-то может показаться утомительным — и герои двух чеховских пьес: «Платонов» и «Иванов» — тут действительно помещены в декорацию, имитирующую огромную, изрисованную граффити крышу небоскреба. Оправдания крыши в понятиях бытового театра моему знакомому дождаться так и не удалось. «Русские!» не грешат избытком символических решений, но отправить героев в продуваемое ветрами поднебесье, на подогретую солнцем жестянку — это, конечно, для режиссера принципиально и рождает целый пучок коннотаций: утрата почвы под ногами, новая техногенная среда, жизнь у бездны на краю, угрожающая упасть Вавилонская башня, обывательские грезы об ап-классе. Уж не говоря о том, что выпускать кошек на раскаленную крышу — хороший тон западной психодрамы.

Двухчасовое первое действие служит лишь долгой, отчасти монотонной экспозицией. Впрочем, уже становится понятно, что возвышенно-фальшивой «чеховщины», трактующей тексты великого русского драматурга как неосмысленные молитвенные камлания, тут не будет. Единственное, что включает спектакль ван Хове в ряд «чеховской театральной традиции», — приверженность «мизансценам некоммуникабельности»: когда герои ведут параллельный диалог в разных концах сцены, не глядя друг на друга. Зато они дополнены изрядным числом «дуэльных» мизансцен — прямого конфликтного общения персонажей. По-североевропейски сухая манера игры голландских актеров обращает на себя внимание с первых минут. Исполнители существуют по кинематографическим правилам, избегая наигрыша и «жирных», чрезмерных оценок. Режиссер втягивает нас в чеховские сюжеты как в сколок современной обыденности.

«TimeOut» от 15.10.2013

<http://www.timeout.ru/journal/feature/34273/>

Пять родной земли

В этом году тема главного театрального фестиваля нашего города «Балтийский дом» — Русские!. В афише действительно большая часть спектаклей — по русской классике. Time Out выбрал пять участников программы, на чьи работы стоит обратить внимание. // [Андрей Пронин](#)

Иво ван Хове

Родился в 1958 году в Бельгии, сын сельского аптекаря. Первые спектакли поставил по собственным пьесам «Слухи» и «Ростки». С 1990 года работает в Нидерландах: руководил Голландским театральным фестивалем, с 2001-го возглавляет труппу Toneelgroep Amsterdam. Репертуарные пристрастия очень широки – от античной до современной драмы, но особенно ван Хове любит делать спектакли по мотивам сценариев киношедевров. На всю Европу его прославили «Римские трагедии» по Шекспиру, решенные как бесконечное телешоу, во время которого зрителей отвлекали и развлекали – звали кушать в буфетах и пользоваться бесплатным вайфаем, и спектакль «Лица» по мотивам фильма Кассаветиса, на котором публику укладывали в кровати. В последнее время увлекся русской драматургией – Горьким и Чеховым. Действие пятичасового спектакля «Русские!» по мотивам чеховских «Иванова» и «Платонова» разворачивается среди впечатляющих хайтековских декораций, превращающих сцену в подобие крыши небоскреба.

«Современный театр должен быть созвучен зрителю – то есть говорить о времени, в котором мы живем».

Заостренный, скоростной темпоритм, сбивающий всякую попытку патетики, поддерживается врубающейся время от времени оглушительной дискотечной фонограммой.

«Олдермен» Иванов и учитель Платонов у ван Хове похожи на узнаваемых офисных типов. Первый — в исполнении Якоба Дервига — дерганый невротик, погрязший в комплексах, бубнящий раздраженные монологи, поминутно срывающий пиджак и в бессильной злобе хлещущий им по стене. Второй (Федя ван Хьют) — местный альфа-самец и скандалист, слишком уж сосредоточенный на том, чтобы непременно быть центром внимания. Созданная известным фламандским литератором Томом Лануа инсценировка, объединившая две родственные чеховские пьесы, лишь на первый взгляд — курьезное мичуринское скрещивание. Дело не только в том, что Иванов и Платонов смотрятся как пассивная и активная ипостась одного социального типажа. «Удвоение» героев усиливает внимание зрителей к внешней канве их поступков, не позволяет огульно им адвокатствовать, как это принято в русском (да и не только русском) театре. Не то чтобы Иванов превратился из местечкового Гамлета в уездного Синюю Бороду, охотника за богатыми невестами, не то чтобы Платонов обернулся уездным Приапом, помешанным на мужской состоятельности, — просто и то, и другое вышло из ранга априорного «поклепа пошлого общества на благородного страдальца». Режиссер подает обоих персонажей с равной пропорцией сочувствия и сарказма — сразу хочется перечитать Чехова незашоренным взглядом, уж не то ли самое им и написано?

Многолюдное зрелище не сразу позволяет идентифицировать персонажей: они намеренно типизированы, стерты — толпа наших с вами современников. Приглядевшись, выделяешь из оравы «русских» генеральшу Войницеву: виртуозная Крис Нетвелът играет ее изящной снобкой, несущей себя на высоких шпильках как дорогое блюдо. Янни Гослинга в избыточном по голландским меркам макияже и дразнящем мужской взор свободном красном платье — Александра, супруга Платонова, вынужденная щеголять в столь сомнительном образе, чтобы оставить шанс на внимание мужа-бонвивана. София (Карина Смулдерс) — не роковая красавица: проста в общении и чужда дамских уловок. Женщина-друг: не удивительно, что именно она окажется для Платонова главной и решающей страстью. Ртутно подвижный пожилой господин, не брезгующий непристойной остротой, — управляющий Боркин (Фред Госсенс). Европенционерка с кичкой, в белом балахоне поверх черных брюк, с массивным ожерельем и такой же страстью к сплетням, клиническая скряга — Зюзюшка Платонова (Фрида Питторс). Лысоватый чудак, помогающий своим велеречивым словоизвержениям обильной жестикуляцией, — Глагольев-старший (у Леона Ворберга, без сомнения, лучшая актерская работа в спектакле). Чтобы разглядеть вдовушку Марфутку Бабакину (она в инсценировке Лануа гибридизирована с ученой девицей Грековой), присматриваться не надо: Марике Хебинг в нелепых очках и с утиной походкой едва ли не в духе ситкомов набрасывает резкий шарж переоценивающей свою женскую манкость фрикессы — и срывает львиную долю аплодисментов.

Особняком стоят чужаки. Хорошо знакомая зрителям фестиваля «Балтийский дом» по моноспектаклю «Человеческий голос» (в постановке того же ван Хове) Галина Рейн

(кстати, автор книг по актерскому мастерству) наделяет умирающую жену Иванова Сарру ломкой пластикой страдальцы и картавым прононсом еврейки. Тема антисемитизма намечена в обеих чеховских пьесах, однако Том Лануа и Иво ван Хове ее предельно акцентируют, порой дописывая текст классика. Зюзюшка гонит пришедшую на вечер к Лебедевым Сарру от буфета с такой ненавистью, что ясно – дело не в чахотке, дело в еврействе. Генеральша с брезгливой снисходительностью читает Сарре лекцию о вреде мультикультурализма. Исаак Венгерович из «Платонова» волей создателей сценария спектакля стал братом Сарры. Его черная кипа и черная рубашка, как и черные чулки Сарры, словно траурные знаки обреченной инаковости, мелькают на светлом фоне летних одежд прочих персонажей. (Траурные чулки умирающей – это деталь, характерная для злого юмора спектакля, о котором можно было бы написать отдельную заметку.) Уже в первой сцене «Русских» куражающийся Платонов бросает Исааку в лицо ксенофобские оскорбления. Однако этот молодой еврей и сам не светоч толерантности: Алвис Пулинкс играет фанатика, чья верность родовым заветам пересиливает любовь к сестре.

Создав образ повседневности, режиссер в дальнейшем разворачивает ее так, чтобы мы заметили многочисленные всполохи агрессии, с трудом скрываемой под глянцем приличия. Намек на актуальные проблемы прозрачен: арабские мигранты в Нидерландах – те же чеховские евреи, изгои на чужой родине. Углубления режиссерской мысли можно дожидаться в середине второго акта – ровно когда приходит черед монолога Платонова о пропавшей жизни. «Пропала жизнь» и «как бы переписать ее заново – набело» – идефикс чеховской драматургии. Эта тема существенна и для ван Хове, но по-особому. Задник сцены вдруг озаряется неоновыми огнями и картинками компьютерных игр: зрителям подмигивает Лара Крофт. Ван Хове ставит сегодняшнему дню невеселый диагноз. Виртуальная реальность дала обывателю ложное чувство права на запасные жизни. Человек XXI века, баловень свобод и прогресса, стоящий на чудесной, прежде мыслимой только в сказках башне, среди волшебных, прежде мыслимых только в сказках цветных подвижных изображений, и сам становится сказочно инфантилен, давая волю беспредельному, искажающему картину мира детскому эгоцентризму. Монолог героя срывается на крик – нынешние ивановы и платоновы будут бороться за свой жизненный реванш с животным иступлением.

Начавшись со смурного реализма, спектакль постепенно трансформируется в морок, дробящуюся смесь яви и сна. В третьем действии вертикальная панель высящейся на «крыше» надстройки превращается в экран видеопроекции, которая в реальном времени транслирует диалоги героев на аррьерсцене. Это не только общая стратегия спектакля – движение от общего плана к крупному, от незначающего снимка социума к выразительному портрету его индивида. Режиссер ненавязчиво намекает на субъективное мировидение, «личное кино» героев спектакля, в котором мукам их «эго» отводится несравненно больше места, чем позволяет действительность.

Ровный речевой пинг-понг первого действия сменяется к финалу повальной истошной истерикой, напоминающей о «скандалах» Достоевского, вот только духовного очищения эти скандалы не приносят.

Вдрызг пьяная генеральша, растеряв всю свою грацию, отхлебывая из горлышка новую порцию водки и рыгая, силой тянет Платонова в постель. Тихая Александра устраивает свару с мужем. Боркин, внезапно осознавший бесперспективность своей карьеры, словно

странная птица, размахивает руками и насккивает на Иванова. Младший Войнищев, узнав об измене жены, голосит благим матом и зовет на помощь. Прилюдно унижает Бабакину Шабельский. Иванов, как и прописано у Чехова, рукоприкладствует – здесь он даже не бьет Сарру, а избивает, долго и методично, головой о стену. Не сразу понимаешь, что делает он это тем же жестом, каким прежде в раздражении хлестал о ту же стену пиджаком. Человек ли, одежда ли – в истерической панике от «пропавшей жизни» эгоисту нового столетия уже все равно.

Лишь три персонажа избегают общей эгоцентрической мутации. Умершей Сарре режиссер не без иронии отводит место в виртуальном раю: призрак покойной супруги подмигивает Иванову оттуда, где прежде красовалась Лара Крофт (ван Хове, кажется, читал «Татьяну Репину»). Рыцарски влюбленный в генеральшу Глагольев, получив отказ, на глазах оборачивается юродивым: слышит неземные голоса и падает в таинственные обмороки. Особое место принадлежит в спектакле Осипу (Ханс Кестиг), «разбойнику и конокраду». В маленькой увертюре к «Русским», сквозь блики цветомузыки, мы видим, как обнаженный Осип принимает душ, видим его совершенную атлетичную фигуру. Следующее появление Осипа в спектакле – на возвышении, словно на троне. Обыватели смотрят на него, носителя грубой, криминальной силы, «прекрасного дикаря» с обожанием, снизу вверх. В предфинале нам снова покажут его обнаженное тело, уже мертвое. Камера первый и последний раз выйдет на «репортаж» с пленэра: среди березок (опять черный юмор) лежит убитый в результате коллективного самосуда разбойник – в узнаваемой позе связанного лилипутами Гулливера с иллюстрации Жана Гранвилля. Осипа больше нет – значит, все позволено: разбойником теперь может стать каждый. Финальная, почти гротесковая сцена убийства Платонова и самоубийства Иванова из одного и того же ружья (чеховского, конечно, того, которое обязано выстрелить в последнем акте), в быстром темпе, да еще на глазах всей оравы героев, столпившихся на подмостках, – это уже не шутка, а грозное предостережение.

Разумеется, спектакль ван Хове поставлен не о русских и не о России, а адресован в первую очередь родине режиссера. Именно благополучной и толерантной Западной Европе режиссер прописал горькую пилюлю от нетерпимости и порождающего ее эгоизма, заставляющего винить в собственных бедах сначала чужих, потом родных и близких. Нам «Русские!» тоже оказались полезны: кто-то открыл для себя другого, более жесткого Чехова. Кто-то (в первую очередь, не покинувшие зрелище в самом начале театральные практики) пришел в восторг от мастерства режиссера и актеров: надо заметить, что театральный язык ван Хове во многих чертах вполне традиционен и понятен у нас без специальной подготовки. Кто-то, прослушав финальное – очень деликатное – обращение актеров с просьбой к российским гражданам и властям о терпимости, аплодировал, понимая, что это не случайная эскапада, а логичное продолжение темы спектакля. Если у русских поедет крыша – искать оправдания будет поздно и бессмысленно.

Оба узнаваемы: актеры тонко вскрывают подтексты чеховских диалогов.

Ритмическая основа спектакля – сплошные синкопы, чуждые чеховским музыкальным ритмам. Однако в этом спектакле синкопы, на которых строится диалог, рожают мощную энергетику с гиперболическими страстями, в поле которых невольно втягивается публика, переставая замечать множество несоответствий с драмами Чехова: дописанные тексты, переход персонажей из одной пьесы в другую, слияние двух персонажей в один образ. Вот всего лишь один пример: Сара, жена Иванова, оказывается дочерью богатого еврея Венгеровича, персонажа из «Платонова», купированного в сценической версии, в то время как его сын в спектакле – брат Сары, бросающий в ее адрес гневные филиппики. Платонов и Иванов – двойники, современные рефлектирующие интеллигенты, изверившиеся во всем, потерянные в своем (нашем) времени, не знающие, куда себя девать. С легкой руки Кугеля Иванов числится русским Гамлетом, однако в спектакле ни Иванов, ни его двойник Платонов ничего общего с Гамлетом не имеют. Режиссер и актеры Якоб Дервиг (Иванов) и Федя ван Хьют (Платонов) не то чтобы были беспощадны к этим персонажам, однако вносят в их характеры значительную долю комизма, снижая их образы. Некоторые ситуации, в которые они попадают, рифмуются с ситуациями бродяг Беккета из «В ожидании Годо»: «Ничего не происходит, никто не приходит, никто не уходит, это страшно». Хотя к тому и другому приходят женщины, которые любят, готовы на все ради каждого из них, но для обоих «никто не приходит, и ничего не происходит». Пустота в их омертвевших душах. Платонов обладает большим чувством юмора, чем Иванов, и комедийная история с поцелуем Бабакиной (в спектакле в этом персонаже Бабакина слита с Грековой из «Платонова») обретает водевильный характер. Юмор в том, что Платонов отдает себе в этом отчет и на какие-то мгновения оживает, становится веселым и обаятельным. Этим подчеркивается его драма – потеря самого себя, своей личности.

Дружеские и семейные связи если и возникают, то на миг. Так решена сцена Платонова и Александры: кажется, что между ними возникли подлинная близость и понимание, которые тут же исчезают. Подавленные механистическим, чужим для них городом, герои одиноки. Мужчины более одиноки, чем женщины, пытающиеся цепляться за любовь, но, как и мужчины, они терпят фиаско. Героически пытается отстоять свою любовь Сара (Халина Рейн), по-детски держится за своего Платонова его жена Александра (Янни Гослинг), юная воительница Сашенька Лебедева (Хелена Девос) со всем пылом молодости борется за Иванова, Софья (Карина Смулдерс) пытается вернуть потерянное душевное равновесие в любви с Платоновым. Даже царственная, умная, все понимающая Войницева (Крис Нетвелт) вдруг обретает иллюзию, поверив, что Платонов может стать смыслом ее жизни. Актриса блистательно использует элементы эстетики абсурда, в частности клоунату в своей последней сцене с Платоновым. Ее бесстрашие художника позволяет смотреть в лицо реальности не только ее героине, но и публике, тем самым освобождая от иллюзий, призывая не смиряться с «условиями человеческого существования».

Вольное обращение с Чеховым вначале коробит необычными комбинациями. Можно предъявить претензии к переводу. Чего стоит «олдермен Иванов», не говоря уже о том, что его фамилия произносится с ударением на последний слог. И все же и все же...

Голландцы неожиданно перекинули мост к Мейерхольду, добивавшемуся от актеров легкости при постановке чеховских водевилей, соединив их под названием «Тридцать три обморока». В этом же спектакле муза трагедии Мельпомена соседствует с музой комедии Талией, рождая мейерхольдовскую водевильную легкость, не противоречащую поэтике Чехова. Подчеркивая трагический абсурд нашего общего бытия. Европа явила свой взгляд на русских, неожиданно, по крайней мере для нас, обнаружив много общего с нами.

Санкт-Петербург

мирно разошлась. Но стоит надеяться, что эта вот общественная апатия, оказавшаяся не жестким, зато вполне жестоким ответом горячему и ввиду указанных обстоятельств наивному общественному жесту талантливых голландцев, дает неплохой материал для дальнейших размышлений и дискуссий на тему «русские!», которую фестиваль и исследует.

Еще одним, но уже запланированным и гладко прошедшим событием первого дня фестиваля стало открытие в фойе второго этажа «Балтийского дома» большой ретроспективы знаменитого мастера фотопортрета Валерия Плотникова, создавшего, к примеру, не только иконографию обложек журнала «Театр» поздних советских лет, но и особый стиль драматического и романтического театрального портрета. Экспозиция организована к 70-летию продолжающего активно работать фотографа. К примеру, за пару часов до открытия выставки Валерий Плотников провел мастер-класс на Новой сцене Александринского театра (в рамках программы Петербургской фотоярмарки), на котором портретировал художественного руководителя театра Валерия Фокина. Кстати, этот урок собрал не только начинающих фотографов, на нем были замечены и очень известные петербургские фотографы, такие, как Павел Маркин. А правильная аудитория — это все же залог успеха.

А вот была ли в итоге аудитория, выбранная труппой Иво ван Хове для чтения своего обращения, совсем уж ошибочным адресом — в ретроспективе это все-таки еще вопрос. Ведь хоть кто-то должен же хоть когда-то и хоть по какому-то поводу обращаться к обществу, пусть и театральному. Но ведь то, что голландцу сегодня — аксиома, русскому — проблема.

«Тонеельгруп Амстердам»

Место обитания героев — крыша жилого дома. Наверх выходят, чтобы оторваться от вечеринки и набрать в легкие воздуха. Огромное пространство словно заряжено ожиданием дискуссии, борьбы идей. А вместо этого — вещание без умолку, крикливые и совершенно пустые диалоги.

Мертвенная нейтральность сменяется во втором действии чрезмерным нагнетанием страстей. Воздух сцены заполняется неоновыми огнями, вывесками, рекламой: герои как будто спустились на улицу, в дешевый район мегаполиса. Измены, коварство и любовь, тяга к суициду: сюжет чуть ли не достигает накала бразильских сериалов. Что, впрочем, не делает зрелище захватывающим.

Но третья часть словно останавливает время, заставляя пристально следить за актерами. «Русские!» — пример спектакля, который «разбегается» к финалу — и совершает взлет. Питер ван Край приберег для завершения выдох, разрядку. Все сюжетные сплетения разрубаются — герои выплескивают друг другу всё, что думают, мужья бросают жен — и наоборот. Артисты играют это как трагикомедию — раскованно, легко, балансируя между иронией, фарсом и нежностью.

«Тонеельгруп Амстердам»

«Классическая» чеховская драма — это «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад», где особый состав действующих лиц. Не главный персонаж на фоне второстепенных, а, по слову Мейерхольда, — «группа лиц без центра». В «Платонове» и «Иванове» центральный персонаж есть. Столкнув их в одном спектакле, Иво ван Хове явно хотел набросать портрет героя наших дней.

Чем дальше, тем больше Платонов (Федя ван Хьют) и Иванов (Якоб Дервиг) рифмуются, к финалу становясь почти близнецами. Один воздыхает о катастрофе мира, другой говорит, что в 30 лет человека пора сдавать в утиль. Оба молоды, оба полны страсти и энергии, но не знают, куда применить их, — и эта сила бездействия разрушает. Вот, обобщая, про что получился спектакль.

Гибель главных героев показана как цепная реакция. Когда в Платонова стреляет жена, Иванов выхватывает ружье и убивает себя: одна половина не может жить без другой. Выведя вместо трех сестер «двух братьев», Иво ван Хове утвердил право нынешнего поколения переписать Чехова под свои надежды и кризисы. Жаль, что братья, в отличие от сестер, не могут сказать: «Жизнь наша еще не кончена. Будем жить!» И уж точно не увидят небо в алмазах.

«Тоннельгрупп Амстердам»

Читайте далее: <http://izvestia.ru/news/558313#ixzz2h7FJoyAL>

«в небо», слепя красным глазом и дико взревев, взмлет поезд, под который попытается броситься Саша Иванова.

Чехов «два в одном» поначалу кажется тоскливым дайджестом ранней чеховской драматургии, европейскому зрителю, видимо, все-таки, знакомой не очень хорошо, в отличие от «Дяди Вани» или «Вишневого сада». Некоторых персонажей (известно, что у Чехова есть такие кочующие из пьесы в пьесу колоритные экземпляры) Ван Хове «скрещивает». Некоторые вступают в неожиданные родственные связи. Вдова Марфутка Бабакина (на таком ударении настаивают голландские артисты), абсолютно эксцентрическое, истерично-бестолковое, растрепанное существо, влюблена в Платонова («Платонов»), а замуж собирается за Шабельского («Иванов»). Сара («Иванов») оказывается дочерью Венгеровича («Платонов»).

Сюжетные линии то сходятся, то разбегаются. Экспозиция, и без того громоздкая, разрастается вдвое. Первый акт смотреть откровенно тяжело. Пока идет первоначальное накопление персонажей на сцене, в которую вплетаются все новые исходные ситуации (и у Чехова «Платонов» тоже — вроде наброска не к одной, а к 4-5 пьесам), спектакль кажется невыносимо затянутым и монотонным. В текст Чехова (в котором сохранены все архаизмы) вплетены «оригинальные» диалоги и встречи. Например, Сашу и Сару режиссер сводит их будто нарочно для того, чтобы пофантазировать на тему того, что могут сказать друг другу две обманутые жены, оказавшиеся в сходной ситуации. Некоторые вставные монологи производят забавно-наивное впечатление. Например, когда криминализованное дитя рабочих предместий Осип (Ханс Хестинг) начинает говорить про «лачугу без водопровода», а Исак Венгерович (Алвин Пулинкс) поднимает «еврейский вопрос».

«Русские!». Сцена из спектакля.

Фото — архив театра Тонеельгруп Амстердам.

Сложно объяснить, зачем режиссеру понадобилось суммировать две пьесы. Но, кажется, не за тем, чтобы превратить историю в семейную сагу. А затем, что удвоение положений пьесы, «зеркальность» Платонова и Иванова (смешно настаивающих в одной из сцен на собственной исключительности) придают происходящему чуть абсурдистский оттенок. Также как и бесформенность первой юношеской пьесы, усиленная драматургически уже более выверенным (у Чехова) «Ивановым» тянет на бесформенность русской жизни вообще, общего вязкого котла, в котором хаотически варятся все эти боркины, лебедевы и трилецкие. Кажется поначалу, что экспозицией режиссер и ограничится; спектакль никогда не достигнет точки сборки.

Главная интрига первого-второго актов: когда, наконец, пересекутся две параллельные прямые, когда встретятся вуди-алленовский зануда, очкарик, эгоцентрик ИванОв (Якоб Дервиг) с симпатягой-провокатором Платоновым (Федя ван Хьют), похожим на приземистого Роберта Дауни-мл, и что они скажут друг другу? Они встречаются только во втором акте, в рубежный для себя момент, когда один соблазнил Софью, а другой поцеловал Сашу. О чем они и признаются друг другу, не удивляясь и не комментируя.

Потом Иванов с Платоновым, как сообщники, будут сочинять покаянное письмо Бабакиной.

И, наконец, сойдутся на фоне надвигающейся свадьбы Иванова и накануне финальной катастрофы. Причем, более молодой и менее циничный Платонов предложит: а может убежим вместе (и это, правда, звучит дико смешно). На что более рассудочный усталый Иванов возразит: мол, куда бежать, дурачок? От себя не убежишь.

Удваивая героя, ван Хове как бы ставит диагноз, показывает не частый случай, а выводит печальную закономерность. Маета и усталость духа, которая накапливается в человеке уже к 30 годам, парализует волю, одинаково разит и раздолбает Платонова, и умницу Иванова. Исчерпанность ресурсов любви, когда чувство заменяется редкими, болезненными для окружающих вспышками страстей, провоцируемыми извне деятельной и часто бессмысленной женской энергией. Той, что есть у Саши (Хелена Девос), кудрявой рыжей, проворной как кузнечик, чей звонкий голосок поначалу «будит» Иванова, а потом, накануне свадьбы, противно зудит, и в нем уже звучат пронзительные скандальные ноты будущей Зюсюшки.

Спектакль, и прежде всего игра актеров — втягивает незаметно. Не сразу обнаруживаешь, что у голландцев потрясающая «мелкая пластика» игры. Это такой настоящий психологический театр с очень точной подробной правдой «физических действий», в котором (если это не эксцентрические роли, вроде БабакинОй, отлично сыгранной Марике Хебник) нет ничего нарочитого, но есть какая-то хирургически точная жизненная правда.

Сначала она проявляется редкими вспышками. Как, например, когда Глагольев (Леон Вoorберг), получив отказ Анны Петровны, начинает сначала тискать, потом, задыхаясь, рвать на себе ворот рубашки — сердце не выдержало. Потом — все чаще и к финалу уже не отпускает.

Халина Рейн (Сара), Якоб Дервиг (Иванов).
Фото — архив театра Тонеельгруп Амстердам.

Очень хороша Крис Нетвельт (Анна Петровна). Каждое движение этой немолодой, не то что бы красивой женщины с чуть испытанным лицом, покачивающейся на тонких каблучках, полно тонкого ненарочитого изящества. Голос мягко шелестит и успокаивает. Кажется, легкой иронии и чувства собственного достоинства она не теряет ни в тот момент, когда ее начинает душить ревнивец Осип, ни когда она когда соблазняет Платонова. Да и не соблазняет она и не уговаривает, а приводит доводы, такие же разумно-убедительные, как и те, что использует, мотивируя свой отказ Глагольеву.

Возьмем сцену, когда подвыпившая Анна Петровна приходит соблазнять Платонова. У нас ее обычно играют с некоторым удалством, превращая в аттракцион, когда актер и играет, и вроде как любит себя со стороны. Крис Нетвельт «проваливает» козырную сцену. Какое тут удалство: мутный взгляд, расфокусированные, смазанные движения. Навалившись на Платонова она монотонно бормочет женский вариант «пропала жизнь», механически прикладываясь к бутылке.

То, что отдельные сцены в третьем акте актеры ведут, спрятанные за грязно-серыми бетонными кубами крыши, а нам они транслируются уже он-лайн с плазменных панелей, только усиливает гиперреалистичность происходящего. Вроде бы и они играют не на публику, и мы — то ли подглядываем, то ли смотрим какой-то европейский нон-фикшн.

Финал придуман со стремительным комедийным изяществом. Все персонажи, живые и мертвые, собираются на сцене — поглазеть на то, как Софья расправится с Платоновым, и как Саша приберет к рукам Иванова. Софья, вооруженная двустволкой, некоторое время прицеливается, точно решая в кого бы ей пальнуть, в Платонова или Иванова. А когда вся толпа суетится над телом Платонова, под шумок, отползая в сторонку, стреляется и Иванов...

Мы полюбили Жолдака, встречаем как родного, Персевала. Но театральная речь Иво ван Хове, разбалансированная композиция «Русских», игра литературных параллелей и цитат требует серьезного анализа (уже за рамками блога) и привыкания. Будем надеяться, что «Русские» останутся в памяти зрителей не только обращением голландских артистов в поддержку прав геев и журналистов, о чем уже сейчас пестрят заголовки таблоидов. Хотя, безусловно, и сама гражданская акция голландцев, и реакция на нее, безусловно, важный штрих в палитре фестиваля под названием «Русские!»

Театры Вильнюса покажут работы по двум произведения Максима Горького "На дне" и "Мать". Новый рижский театр поставит "Обломова" с режиссурой Алвиса Херманиса, а секцию лучших спектаклей европейской сцены представят "Братья Карамазовы" в постановке фламандского режиссера Люка Персиваля, работающего в гамбургском театре "Галия".

Репетиция спектакля "Русские!" в рамках фестиваля "Балтийский дом"

Завершит смотр "Евгений Онегин", поставленный худруком московского театра имени Вахтангова Римасом Туминасом. В нем примут участие Сергей Маковецкий, Юлия Борисова и Владимир Вдовиченков.

С «Русскими!» я принял решение не возвращаться в прошлое, а подойти к текстам Чехова так, будто они были написаны только что. Я хотел создать совершенно новый, современный материал.

— Когда начинали репетиции со своей амстердамской группой «Тонеельгруп», что вы рассказывали им про Чехова и Россию?

— «Русские!» для меня — история о современных людях и современных проблемах. Это не о России конца XIX века. Просто современный мир страдает от такой же неустроенности, что и тогда. Иванов — врач в несчастливом браке со смертельно больной женщиной, который бежит из дома и влюбляется в молодую девушку. Платонов — некогда многообещающий человек, который отказался от своих идеалов и стал сельским учителем. Два потерянных самодеструктивных интеллектуала. Оба в поисках компенсаторного эскапизма любовной связи. А вокруг них — общество, желающее забыть о своих проблемах хотя бы на один вечер. Общество, которое влекут выпивка, разговоры и танцы. И это все не про деревенских обитателей прошлого века, это про современных потерянных городских жителей.

— Какие существуют различия во взаимоотношениях человека и социума в условиях, скажем, Голландии и России?

— Я не могу говорить о России, так как мало знаю о внутренней ситуации. Но наша амстердамская постановка говорит о тех фрустрациях которые, как мне кажется, ощутимы во всей Европе. Люди досадают на экономический кризис, на политические решения и, как правило, винят в проблемах только друг друга. Чеховские персонажи ведут себя точно так же. Он воистину был провидцем.

— В одном из своих интервью вы говорили о новом, отрицательном, понимании толерантности в Европе.

— Голландия всегда была примером толерантности. Но многое изменилось, после того как политик и кинорежиссер были убиты на улицах — один активистом, другой религиозным экстремистом. Это сорвало крышку с ящика Пандоры. Прискорбно, что именно эти события окажутся исторически значимыми для перемен в голландском обществе начала XXI века. Мы все еще пытаемся проявлять умеренность и сдержанность, но это весьма сложно в эпоху, когда эмоции берут вверх, даже среди политиков. Нельзя не осознавать, в какую трагедию может вылиться политика, основанная на эмоциях.

— Спектакль «Русские!» входит в мультикультурную трилогию, состоящую из «Дачной трилогии» Гольдони, «Детей Солнца» Горького и Чехова. Это все о героях без денег, без идеалов, без дела. Что дальше?

— Я не знаю, но глубоко верю, что в течение следующих 50 лет появятся новые идеологии и новый образ жизни. Ибо продолжать в том же духе не представляется возможным. При этом я настроен позитивно — в том, что касается культуры, я совсем не пессимист. Моя работа — помочь зрителю заглянуть за пределы зеркала реальности, увидеть глубинную правду. Собственно, в этом и есть миссия театра.